

Р. С. 1. Очень существенно, что перед нами — частное письмо. Здесь следует отметить два обстоятельства. Во-первых, частное письмо более подвижно, открыто новому, зарождающемуся, следовательно, не удивительно, что в нем впервые в литературе проявляется «Петербургский текст». Во-вторых, и с совсем другой стороны, письмо более, чем собственно литературные жанры, прямо, непосредственно отражает общественное сознание. «Петербургский текст» — феномен именно сознания, будучи мифом, он предполагает веру в себя. В «Петербургский текст» надобно верить, его необходимо чувствовать. Поэтому проявление его в письме приобретает особый смысл, оно свидетельствует о зарождении в сознании той эпохи интересующего нас мифа.

2. Данная в письме картина петербургской жизни отчетливо дана в духе бурлескной традиции. Это обстоятельство, думаю, требует дополнительного обдумывания. Анализируемое письмо можно рассматривать лишь как шутку. Но, с другой стороны, стоит, в частности, учитывать крайнюю внутреннюю противоречивость смеха, тем более тогда, когда субъект, как в нашем случае, в определенной степени включается в поле смеха. Смех тогда и выявляет негативные черты и одновременно способствует жизнеутверждению и раскрепощению личности, что и создает благодатную атмосферу для явлений, подобных «Петербургскому тексту».

Вообще, следовало бы задуматься о функционировании смеха в литературной культуре эпохи Просвещения. Смех очень во многом соответствовал просветительским идеологическим установкам и посему органично входил в литературу и занимал в ней весьма почетное место. С другой стороны, его внутренняя переменчивость взрывала рационализм и прогрессизм просветительского мышления, в связи с чем между смехом и литературной культурой Просвещения возникало глубокое напряжение. Достаточно назвать, если ограничиваться пределами русской словесности, сатиры А. Д. Кантемира, динамический и противоречивый художественный смысл которых осознан явно в недостаточной мере. Вместе с тем их сравнение с позднейшими феноменами сатирического жанра, например с сатирами А. П. Сумарокова, отчетливо продемонстрирует их амбивалентность, т. е. диалектически противоборствующее семантическое движение. Впрочем, оно присуще и Сумарокову, если вспомнить его комедии, и его последователям, например В. И. Майкову. А уж Фонвизину подобная смысловая вихреобразность, обусловленная смехом, присуща в полной мере — достаточно назвать «Поучение, говоренное отцом Василием в Духов день». Вспоминается также и сатирическая (только ли сатирическая?) журналистика, требующая нового осмысления, и многое другое. Однако размышления по этим поводам далеко увели бы нас от предложенного выше комментария к одному письму Д. И. Фонвизина.